

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДНЕВНИК ЮХАНА ЙЕРНЕ 1725–1726

*Публикация Г.М. Коваленко и Т.И. Шаскольской**

Важное место в европейской «Россике» занимают шведские травелоги. Как отметил шведский исследователь Магнус фон Платен, «за последние 250 лет в Швеции вышло более 100 изданий с описаниями путешествий по России. Шведам всегда была интересна Россия и особенно расположенный вблизи ее границ всемирно известный Петербург»¹.

Одним из первых шведских² описаний Петербурга можно считать страницы дневника шведского офицера Юхана Йерне (1696–1737). Он родился в семье известного шведского ученого Урбана Йерне, изучал горное дело в Упсальском университете. В 1718 г. он поступил на военную службу и принял участие в боевых действиях в Норвегии. В 1719–1721 гг. он совершил учебно-ознакомительное путешествие по Европе³ (в Париже он начал вести дневник на французском языке), а в 1725 г. отправился во второе путешествие и 18 февраля прибыл в Петербург.

Как исторический источник дневник Йерне представляет значительный интерес, поскольку он описал Петербург таким, каким город был на раннем этапе строительства, и увидел те здания, которые потом исчезли.

Размах строительных работ в Петербурге произвел на него большое впечатление, но он отметил, что при этом в жертву были принесены жизни сотен работников, погибших от голода и перенапряжения сил. Кроме того, при

* Выражаем благодарность доктору Элизабет Лефстранд (Стокгольмский университет) за помощь, оказанную при подготовке публикации.

ближайшем рассмотрении оказалось, что спешка и плохое планирование отрицательно сказались на качестве строительных работ: большая часть зданий ушли в болотистую почву, наводнения и дожди размыли некачественные фундаменты и кирпичи, поэтому многие строения уже носят следы разрушений.

Однако он с похвалой отзывается о тех сооружениях, архитектура которых показалась ему красивой, например о сделанных по голландскому образцу каналах, недостроенном Петропавловском соборе, где он присутствовал на панихиде по императору, а также о некоторых роскошных дворцах, которых, по его мнению, сравнительно мало, особенно на Васильевском острове. Дворец Меншикова, куда он был приглашен на роскошный обед, ему не понравился, как не понравился и его владелец, одетый в безвкусный дорогой мундир с бриллиантовыми пуговицами.

В Петербурге Йерне нанес визит жениху Анны Петровны герцогу Карлу Фридриху Гольштинскому, у которого встретил членов шведского посольства Й. Цедерельма и Г. Цедеркройца.

Йерне первым из шведов рассказал о Российской академии наук, основанной за год до его приезда и укомплектованной немецкими профессорами. В академии ему показали собрание ее редкостей, большой глобус, слона, льва, черного волка и обезьян.

Ему понравилось, что зимой улицы освещены фонарями и их патрулируют хорошие караулы, но при этом не преминул заметить, что это необходимо, учитывая склонность русских к воровству, и предостерег иностранцев выходить ночью на улицу.

Вообще Йерне не жалуется русских людей, он пишет о том, что природа даровала им низменный и рабский нрав, и хотя они исповедуют христианство, тем не менее остаются на низкой ступени развития, а потому все усилия Петра цивилизовать их и реформировать церковь не увенчались успехом.

Особое внимание он уделяет вопросам религии, состояние которой, по его мнению, в России довольно плачевно. Религиозность русских людей сводится по преимуществу к обрядам: наложению креста и падению ниц перед иконами. «Они... весьма мало знают о... Боге, их благочестие состоит только в умении креститься и отбивать поклоны перед изображениями святых, которых они именуют богами. Тому причиной крайнее невежество священников и монахов, которые никоим образом не могут защитить догматы их веры, а подчас не знают наизусть даже “Отче наш”».

Он пишет также о том, что многие представители высшей знати и дворянства не умеют ни читать, ни писать и по уровню развития не многим отличаются от своих рабов.

Довольно нелестную характеристику он дает императрице и высшим сановникам. Он отмечает низкое происхождение Меншикова, равно как и происхождение Екатерины I: «Императрицу, в прошлом презренную служанку, сопровождал князь Меншиков, некогда жалкий пирожник, сын конюха — славная пара, достойная управлять русскими». Положительной характеристики удостоился лишь барон Остерман, «у которого одного ума больше, чем у всех остальных вместе взятых».

Йерне пишет о том, что он «сделал все возможное, чтобы глубоко постичь природные склонности русских» и перечисляет их пороки, которым в равной степени подвержены как простолюдины, так и дворянство (пьянство, воровство, мошенничество, жадность, нечестность, недоверчивость, двуличность, коварство, жестокость, нечистоплотность) и делает вывод о том, что наилучший способ управлять ими — жесткое самодержавное правление: «Свобода и мягкость — смертельный яд, который разрушил бы государство до основания».

Возможно, ему хотелось бы, чтобы русские и пребывали в варварском состоянии, ибо если они станут цивилизованными, то осознают собственную силу и будут представлять угрозу только для соседей, поскольку «у них нет недостатка ни в людских, ни в материальных ресурсах». Он пишет, что в России много крепких и сильных людей, солдаты умеют храбро обороняться и стойко переносят невзгоды и лишения, поэтому их не взять измором. Они очень неприхотливы, так что их войско в 100 тысяч можно легко прокормить там, где 30 тысяч умрут от голода. Именно это его и тревожит: «Нужно признать, что Россия — это очень сильный и грозный сосед, в особенности для Швеции. <...> Есть все основания опасаться, что этот презренный и варварский народ возвысится однажды до чести и славы, которых совершенно недостойн, и заставит пошатнуться самые прочные троны, если соседние державы не сумеют сейчас воспользоваться его отсталостью, чтобы обратить в рабство, к которому он предназначен природой».

Нет ничего необычного в том, что видение европейцев России было неполным, частичным, пристрастным и в целом негативным. Вообще враждебное и презрительное отношение к другим народам, особенно тем, с которыми приходилось вести длительные войны, было характерно для Европы не только в средневековье, но и в новое время. В этой связи французский публицист барон Фридрих Мельхиор Гримм писал: «Франция пребывала в счастливой уверенности, что все, что не зовется гордым именем “француз”, жуется солому и разгуливает на четырех лапах».

Однако русофобия Юхана Йерне порой просто зашкаливает. Возможно, причины этого кроются в его биографии и сопутствующих этой поездке обстоятельствах. Известно, что эту поездку он совершил в состоянии депрессии для того, чтобы преодолеть любовную драму: забыть «божественную» Шарлотту Бликсеншерну, которая предпочла его другому⁴. Следует также учитывать, что с Петербургом довольно тесно была связана история его семьи. Дед Юхана был пастором в Ньюене, на месте которого был построен Петербург, а его отец, известный шведский ученый Урбан Йерне, прожил здесь восемь лет. В августе 1656 г. русские сожгли Ньюен. Урбану удалось бежать в Нарву, но это событие навсегда осталось в его памяти, и в дальнейшем он не раз вспоминал о «зверствах русских варваров» и разорении Ингерманландии. Предания о малой родине и насильственном расставании с ней были живы в семье Урбана Йерне и нашли отражение в его автобиографическом романе «Стратоника»⁵. Все это наложило отпечаток на мировоззрение Юхана, он считал Россию опасным соседом и потенциальным противником и полагал, что как военный может собрать о ней полезную информацию. Вполне вероятно, что именно эти обстоятельства определили его крайне негативное отношение к России и русским.

Довольно объективную характеристику сочинения Йерне дал шведский ученый Туре Арне в своей статье «Юхан Йерне и москвиты»: «Следует признать, что Йерне относится к предмету своего описания без особой симпатии. Он смотрит на русских глазами каролинского офицера, в нем живет ненависть Карла XII к восточному соседу, несмотря на его собственное предостережение от недооценки России. Ненависть к беспощадному врагу, разрушившему великодержавие Швеции, была еще свежа, и дневник Йерне изобилует проявлениями реваншистских настроений. Вполне естественно, что ему было трудно понять цели Петра Великого; он также не в полной мере осознавал слабость Швеции в отношении людских и природных ресурсов. Из, мягко говоря, односторонних представлений Йерне о России и русских впоследствии выросла война 1741 года»⁶. В этой статье Арне дал перевод фрагментов петербургских страниц его дневника на шведский язык. Выдержки из этого перевода привел Ю.Н. Беспятых в своей книге о первых иностранных описаниях Петербурга⁷.

Г.М. Коваленко

* * *

¹ *Магнус фон Платен*. Санкт-Петербург глазами шведских путешественников XVIII в. // *Шведы на берегах Невы*. Стокгольм, 1998. С. 75.

² Автором первого шведского описания Петербурга является Ларс Юхан Эрен-мальм. См.: *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 91–101.

³ Svenskt Biografiskt Lexikon. В. 19. Stockholm, 1971. S. 139.

⁴ *Arne T.J. Johan Hjärne och moskoviterna // Det Stora Svitjod.* Stockholm, 1917. S. 154–155.

⁵ *Пересветов-Мурат А.И.* Урбан Йёрне как нюенец и ингерманландец // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб., 2014. С. 124, 130.

⁶ *Arne T.J. Johan Hjärne och moskoviterna.* S. 172.

⁷ *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 33–35.

* * *

[12] Je me rendis enfin le 18 à St Petterbourg, divisé par la fleuve de Newa, outre trois îles, en deux parties, dont l'une est en Ingrie et l'autre en Carelie à cent quarante six Woerstha de Narva et cinq cent quarante six de Riga, en un terroir aimable mais marecageux. Le Zar ou le prétendu Empereur, après avoir pris [13] Niinshantz et se plaisant infiniment à l'agréable situation de ce lieu, y établit les premières fondemens de la ville 1703. puis il y transporta même la résidence de Moscou, ayant observé la commodité pour le négoce et pour la navigation en la mer Baltique, nécessaires pour les vastes desseins. Tout le monde est étonné de voir une si grande et si superbe ville paroître en si peu de tems au milieu de flammes dévorantes de la guerre la plus horrible, ce qui ne sauroit se faire en un autre royaume possible pendant plusieurs années; mais si l'on considère le pouvoir despotique, qui y a pris de profondes racines depuis plusieurs siècles, on n'aura gueres lieu de s'émerveiller. Car feu L'Empereur commanda à ses sujets les plus riches d'embellir cette place de magnifiques palais et de belles maisons, sans qu'il fit réflexion, s'ils avoient envie d'y demeurer ou non; et chatia severement ceux, qui n'y firent leur dernier effort et employerent des dépenses immodérées, même en se ruinoro.

Des millions de Calmucs et de Tartares y ont travaillé journellement, qui périrent pour la plus part de famine et d'un trop rude travail. Ainsi cette naissante ville durant l'espace de peu d'années vissoit en magnificence et en splendeur tant en considération des riches hôtels et maisons publiques et particulières, et des conduits d'eau dont elle est retranchée comme les villes Hollandoises, que de son négoce, qui deviendra le plus considérable du monde, quand les canaux seront achevés: alors on pourra facilement et commodement y apporter et débiter les précieuses marchandises de Perse, de Chine et de Russie | que les autres nations Européennes vont presentement querir par mer en les Indes Orientales avec grand hazard et peine incroyable:|| si les rivières Moscovites seront jamais

jointes ensemble par les canaux et le passage libre de la mer Caspienne à St Petterbourg.

Si L'Empereur avoit encore vecu quelques tems, il auroit fait avancer ces ouvrages avec plus de diligence; qui sont aussi bien que la ville meme à l'heure qu'il est, plutot imparfaits qu'achevés, et n'arriveront point à sa perfection sous le regne confus. Mais comme on ne reüssit pas ordinairement en ce qu'on entreprend à la[14] hate; on voit aussi de tres grands defauts et manquemens commis en la fondation trop precipitée de cette ville: les briques et la chaux, dont les maisons sont construites, ne valent rien, etans peu a peu consumes et fonduës par la pluie, les murailles deviennent bientot caduque et tombent en ruine: les maisons meme placées sur un fond marecageux, s'affaissent an par an, qu'il faut continuellement de grandes sommes pour les reparer. L'irruption, en l'arriere saison, de l'eau de la mer favorisée par le vent d'occident, et qui monte souvent sur la plus part des ruës, a grands dommages quoique cette incommodité ne dure que pendant quelques heures: La rade de Chron-Schloss est tres dangereuse, les vaisseaux souvent exposés au naufrages: et pour l'établissement de la ville dans un place si incommode, presque toute la noblesse Russienne s'est appauvrie.

La forteresse au milieu de la ville sur l'île de Lievre, appellé en suite l'île de St Petterbourg, environnée de la riviere, etoit le premier ouvrage que L'Empereur y entreprit. On y voit la belle eglise de St Pierre et de St Paul pas encore achevée, ornée d'un carillon et d'un cloché tres haut couvert de lames de cuivre dorées. Les enfans de l'Empereur y sont ensevelis, et son cadavre git sur un superbe lit de parade environné de cierges de Chine qui ont douze à quinze pies au long, et quatre à cinque en circumferance. L'église est garnie de drapeaux où les armes des Royaumes et des Provinces appartenens à L'Empire, sont marquées en broderies. On y dit nuits et jours les messes pour la repos de son ame; les officiers et les soldats qui y font de garde sont habillés en manteaux et en juste-au-corps noirs. L'Hotel de Duc Alexandre Menschikoff à l'île de Wasilie ou Wasilie Ostrov est vaste mais n'as pas le gout d'une belle architecture; ce qu'on peut dire de la plus part des maisons de Saint Petterbourg: il-y-a meme plusieurs autres palais en cette ile. La partie de la ville située en Ingrie a presque un lieue d'Alemagne de long et gueres moins de large, separée comme en plusieurs villages et bourgs par des jardins aimables et des petits bois plantés. Les deux Imperiales maisons, l'une pour y loger pendant l'été, et l'autre pendant l'hiver, separées par le bras de la riviere, sont grandes, somptueusement enricies et la premiere pourvuë d'un agreable jardin. L'Ecurie du Zar et l'Arsenal [15] l'Admiraute sont tres propres: quantité d'autres belles maisons et palais sont placées principalement le long de la riviere; mais vers la campagne il n'y a que des maisonnettes de bois. Au

cote de la Carelie elle est aussi d'une tres grande etenduë, remplië de superbes maisons qui ne sont pas encore achevées : la Chancellerie et les autres Colleges s'y voient outre les hotels de principaux Seigneurs. Une Academie y est etablie pourvuë de Professeurs d'Allemagne. Des lampes sont allumées par les ruës en tems d'hiver; on y est meme bonne garde; ce qui est fort necessaire à cause de la nation si portée à la volerie. On montre ici un curieux cabinet d'Anatomie, un tres grand globe, un Elephant, un lion, un loup noir et quelques singes. Quantité de maisons et de chateaux de plaisance sont aux environs, dont les meilleurs sont les Imperials Palais Pierre- et Catherine-Hofs et celui de Menschikoff Oranienbaume. Chron-Schloss est une belle fortesse sur une ile à l'embouchure du fleuve, et defend la flotte, qui y a son havre.

J'y fit la reverence à Son Altesse Royale Charles Frederic Duc de Holstein, qui m'invita à sa propre table, où l'on est traité avec excès: je rencontraï aussi le Senateur Cederhielm Ambassadeur extraordinaire de Svede, installé par l'Imperatrice Chevalier de l'ordre St André et l'Envoyé de Cedercreutz Chevalier du cordon rouge de l'ordre Alexandernewski. Le Duc de Menschikoff donna le 1. de Mars un magnifique repas. Il s'habilla alors tres splendidement; les trois ordres qu'il porte et tous les boutons etoient de tres grands diamans d'un prix inestimable, mais le juste-au-corps de drap d'argent dans cette saison rude et froide marque, que les Seigneurs Moscovites malgré leur magnificence ne savent gueres encore mieux la maniere de s'ajuster qu'à la prise de Riga, quand ils attacherent des bourses de velour rouge et bleu brodées d'or, telles que les femmes en portes au coté, à leurs cheveux et perruques, et se firent faire de vestes du cuir doré. Toute la famille Zarienne, la cour, les Ducs et les grands seigneurs du royaume habillés de deuil, se rendirent le 10. à l'eglise de St. Pierre et St. Paul pour y entendre la derniere messe sur le defunt Empereur. L'Emperatrice jadis une pauvre meprisable servante y fut conduite par le Duc de Menschikoff auparavant un misera[16]ble patissier fils d'un palefrenier, un couple fort illustre, digne de commender aux Russiens. Elle portait le cordon bleu avec l'ordre St. André, ses filles nées avant le mariage, Altesses Imperiales, Anna Petrovna, cheffe d'Holsace, et la Princesse Elisabeth Petrovna, aussi bien que les filles du Zar Iwan Alexiowitz, Catherina Iwanovna Duchesse Mechlenbourg-Swerin, et la Princesse Proscovia Iwanowna porterent ordre de St Catherine ou de la fidelité, attaché à un ruban rouge. Les Archi-Rées et les Arch-Mandrites, qui chanterent la messe, etés vetus de surplis et de mitres de drap d'or garnis de fines perles et de pierreries. L'Imperatrice fit aussi sur la fleuve glacé et gelé la vuë de Prebrasinski premier regiment de ses Gardes. Voyant ambassadeur sur le point de retourner en Svede, et ne trouvant meme repos ni soulagement pour un seul

instant, je m'en allai le 17. après midi et rentrai le 19 à six heures avant midi à Narva.

L'Empire Moscovite situé en partie dans l'Europe en partie dans l'Asie, étend ses vastes bornes à la Finlande, à la mer Baltique, à la Lithuanie; aux mers noire et Caspienne, la Perse, L'Empire Ottoman et L'Empire du grand Mogol, la Chine, L'ocean oriental et glacial, et occupe l'espace compris entre le 19. parallele et le 73. Il est d'une étendue si immense, que le reste de l'Europe n'y soit à comparer, et comprend quatre grands royaumes: la Moscovie, le Casan, l'Astraxan et la Sibirie, outre une infinité des Duchés, de Principautés et de Seigneuries. La cinquieme partie n'en est pourtant gueres cultivée, le reste est rempli de deserts impenetrables, de grandes forêts, de champs sablonneux, de marecages et de montagnes hautes et escarpées. La terre habitée est pourtant si feconde, qu'en plusieurs endroits on ne la fume point : les provinces moins fertiles produisent des grains et des fruits à saisons, et des paturage en abondance : Les fleuves dont le païs est arrosé, fournissent aux habitans des poissons et les forêts des betes sauvages en excessive quantité. Les mines de cuivre et de fer ne valent encore pas grande chose, et ne sont point à comparer aux notres; mais je crois qu'avec le tems on n'en debitera d'aussi bon que dans mon païs au grande prejudice des Svedois : La Sibirie cache meme des minieres d'argent, [17] et tireroit bien du profit, si cette nation avoit les yeux plus ouverts. Il abonde encore en sel, dont on trouve trois especes; l'une exhale de la terre de l'autre coté d'Astrakan en certaines places, qui ressemblent aux campagnes tout couvertes de la glace, plus qu'on en ote, plus il en recroit; mais cette sorte de sel n'est pas de meilleures : L'autre, qu'on tire du fond limoneux de petits etanges, ou le sel couche comme de gros morceaux de glace; troisieme et meilleure espece se trouve dans les montagnes au fond de la terre. Mais comme les chemins de ces lieux sont longs et incommodes, on n'en peut rien debiter aux etrangeres. Il croit aussi du tabac par ci et par là. L'Empereur a erigé des manufactures de draps et d'etofes. Le trafic consiste en blés, lin, chanvre, cire, toutes sortes de paux et de fourrures bien rares, outre les marchandises de Perse et de Chine. La peche des talenes et de chiens de mer, qu'on exerce en la mer Glaciale, est tres considerable.

Les peuples qui habitent ce puissant Empire sont Moscovites et Uraïns de la religion Cretienne; Tartares de la secte de Mahomet, Schuvaches, Schermitses, Baschirs, Wagulties, Ostiacks, Zirans, Bugars, Burats, Caracullpacks, Callmuks et encore d'autres nations tres sauvages et barbares, qui vivent sa[ns] foi, sans loix plongées en l'idolaterie la plus etrange et horrible : elles n'ont ni villes ni villages ni agriculture, sont vagabondes sur ces vastes deserts et ne s'arretent

guerres en un lieu, se nourrissant et s'habillant de bêtes sauvages, et dont elles payent encore le tribut au Zar. La polygamie y est fort en vogue, et nul degré de parentage ne les empêche de se marier. Les Moscovites confessent la religion Grecque, quoique leurs dogmes et leurs cérémonies ne s'accordent guères avec ceux de cette Eglise : ils sont presque si barbares que les payens, qu'ils ont subjugués, ont fort peu de connaissance de l'Être éternel, leur dévotion ne consiste qu'à faire le signe de la croix et à se culbuter devant leurs Saints en peintures, auxquels ils donnent le nom de Dieux. L'extrême stupidité des prêtres et des moines en est la cause, qui ne peuvent en aucune façon défendre leurs articles de la foi, et ne savent quelques fois même par cœur la Pater-nostre. St. Nicolas est leur principal patron; ils lui font un honneur presque divin.

[18] Il est permis aux prêtres de se marier une seule fois. Ils contoient auparavant leurs années non pas de la nativité de notre Seigneur mais du commencement du monde, et ils les commencent au mois de Septembre; mais leur conte n'étoit pas fondé sur la meilleure chronologie : présentement Zar y a introduit le vieux stile. Ils tiennent les quatrièmes noces impudiques, permettant les péchés sodomites. Le dernier Empereur a fait tous ses efforts pour humaniser ses sujets en modérant leur humeur farouche, en abolissant les cérémonies trop ridicules, et enfin en tâche de réformer la religion peu à peu à la manière Luthérienne et les habillements et les manières de vivre à la Française : mais sa bonne intention exécutée; toutes les utiles ordonnances sont ensevelies avec lui. Il a aussi entre autres abus et mauvais usages cassé le Patriarche, qui étoit le premier chef de l'église Rusienne, et qui prenoit souvent plus [d'auto]rité que les Zars mêmes : pour rendre ce nom d'autant plus méprisant donnoit successivement le titre de Patriarche et de Knez Papa aux bouffons. La libre exercice de religion y est permise à toutes les sectes de la Chrétienté, qui ont leurs églises et leurs assemblées presque en toutes les villes. Quoique j'aie été jusques ici assez heureux pour ne point fréquenter beaucoup la nation Rusienne, j'ai néanmoins fait mon possible pour connoître le fond de sa naturelle inclination : je les ai trouvés presque généralement très portés à l'ivrognerie, au brigandage et volerie, fort intéressés, sales, malpropres, défiants, présides, fourbes, doubles de cœur, larrons, brutaux et meurtriers; les plus cruels et horrible supplices, qu'on se puisse imaginer, ne sont point capables d'arrêter le brigandage. Ils usent de leurs victoires avec insolence ne gardant nullement la foi promise. Ils n'ont ni ambition, ni honneur ni courage; ces poltrons aiment infiniment mieux passer leurs jours en obscurité devant la gueule de fournaise, que s'évertuer hors de la patrie ou acquérir de la gloire parmi les périls mortels de la guerre. Etant forcés à porter les armes, ils se tuent eux mêmes très souvent plutôt que de vouloir mourir au lit de la gloire:

à l'ouverture d'une campagne, ou il faut donner la bataille, quelques centaines desertent; mais quant il [19] s'agit d'être pendu ou roué tout vif, alors ils montrent un courage heroique d'une constance incroyable, comme si cette nation n'étoit faite que pour vivre et mourir en scelerat. La violence inouië, dont on se sert en faisant les levées jointe à la discipline militaire trop rigoureuse, barbare et tyrannique les a souvent forcés d'entreprendre des choses assez belles, au dessus de leur sphere, quoiqu'avec des coeurs epouvantés et tremblans : ils servient meme d'antage, s'ils n'étoient pas commendés par de si miserables et infames officiers; car dès les Mareschaux et generaux jusques des Enseignes ils sont tous les plus indignes lourdauds qu'on puisse trouver hormis fort peu, qui sont pourtant ennuyés de servir etans en mille façons chicanés et maltraités. Cette mechante nation, qui ne fait jamais rien que par contrainte, et par les plus horribles tourmens du monde, est encore moins guerriere à present que sous le regne de L'Empereur, n'ayant point lieu de craindre les rudes traitemens, qu'il faut necessairement appliquer pour l'obliger à son devoir. Les Knés, les Boyars et le reste de la noblesse, qu'on trouve ici en prodigieuse quantité, sont mal élevés, idiots, ruses, le plus souvent il ne savent ni lire ni écrire et ressemblent parfaitement à leurs esclaves en genie et stupidité : ils sont forcés à servir dans les regimens en qualité de simples soldats pendant toute leur vie, sans être que fort rarement avancés. Il-y-en a quelques uns qui ont vu les nations et les manieres estrangeres, qui sont en verité un peu mieux civilisés; mais comme les voyages n'ont point assez de force ni des charmes pour metamorphoser les betes en hommes, ni les faire changer entierement la nature, ainsi ils n'en deviennent que plus fins et plus rusés en malice. Ils sont entierement inhabiles aux affaires delicates, et ne viennent jamais à bout de choses qui demandent un peu d'esprit, de vivacité et de speculation : mais au contraire fort addonnés au negoce et aux métiers, où leurs fourberies se decouvrent aisement. Leur temperament est sans doute ♂ ♀. Les femmes ressemblent aux cochons tant en maniere de vivre qu'en beauté; car dans leur tres tendre jeunesse elles sont jolies et aimables, mais laides et grasses après avoir atteint l'age de vint quatre ans. Elles boivent comme [20] des trous et leur chasteté est des plus equivoques. La mode d'appliquer quantité de mouches sur le visage et de se farder meme pis que les Dames Parisiennes y a la vogue à tel point, que depuis L'Imperatrice jusqu'aux paisanes elles s'en servent toutes.

Le Zar ou Grand Duc est maitre absolu de la vie et des biens de ses sujets, dont il dispose à sa propre fantaisie : son autorité immoderée surpasse la tiranie despotique du Grand Seigneur et du Roi de Perse. Ils sont instruits dès leur bas age à parler de lui et à l'obeir non comme sujets mais comme esclaves, et de le reverer non comme Roi mais comme une Divinité. Et il faut en verité que

j'approuve dans ce Royaume l'inhumaine Souveraineté, autrement si odieuse car ces figures d'hommes ne peuvent être gouvernées qu'avec la dernière rigueur et pis que les chiens; la liberté et la douceur y est un venin mortel, qui renverseroit L'Etat de fond en comble : c'est pourquoi aussi sans doute que la nature même les a baillé une humeur basse et servile. L'Imperatrice d'à présent n'est pourtant rien moins que Souveraine, quoique en porte la titre superbe : son propre intérêt joint à la crainte d'une révolte générale l'oblige à flater quelques uns de Grands, qui l'ont élevée en cette dignité; sans leur consentement et approbation elle n'ose rien entreprendre de son propre mouvement, d'où son autorité [encore] soit diminuée, sans qu'elle ait assez d'esprit pour se tirer d'affaire. La séance au Grand Conseil privé, que ces Seigneurs viennent après beaucoup de contestations d'accorder à son Gendre le Duc de Holstein, n'est point de tant de conséquence, que ses créatures s'imaginent : car ce Prince commode et de peu de pénétration, privé de ses états, ne peut rien faire par force, et moins encore par douceur, puisque cette nation a la seule vertu d'abhorrer la domination d'un étranger. Il-y-a même des mécontents, qui souhaitent en cachette d'élever au Trône le Grand Duc Pierre Alexiowitz petit fils de feu l'Empereur, très beau garçon dont on conçoit de grandes espérances : mais ce feu caché sous la cendre n'éclatera qu'allumé par le soufflé secret de Mercure; en cas de prudence inhumaine n'en empêche les funestes suites par un trépas [21] soudain. Le Gouvernement, qu'on appelle Souverain, est administré au grand Conseil privé, où L'Imperatrice et son beau-fils président; les membres en sont six Conseillers privés: Le Duc de Menschikoff Marechal Général, homme le plus rustre et véritable Moscovite, qui ne sait ni lire ni écrire, malgré tout cela il est le premier mobile et le principal conducteur des affaires d'état; l'Imperatrice dépend entièrement de lui, qui au contraire dépend aveuglément de son Secrétaire Alemant fin et rusé : Apraxin Général Amiral, d'un esprit droit mais peu pénétrant : Le Comte Gallowkin Chancelier de L'Empire : Le Comte Tollstoy : le Duc ou Knez Gallizin, qui sont un peu passables : et le Baron d'Osterman vice Chancelier, qui possède tout seul plus d'esprit que n'ont les autres ensemble. Les résolutions y prises vont sous le nom de L'Imperatrice; quoique bien souvent elle n'en sache rien. Les armées sont composées de deux cents et trente régiments d'Infanterie et de cent et vingt régiments de Dragons, car de cavalerie on n'y se sert point; L'Artillerie et les garnisons de villes y sont aussi comprises. Les royaumes et les provinces sont partagés entr'eux pour y faire des recrues et d'où ils tirent leur solde, y ayant même leurs quartiers ordinaires. L'Empereur peut encore, quand bon lui semble, mettre une quantité innombrable de Tartares et de Calmuques sur pied : ces nations légères et timides ne sont rien moins que soldats, mais elles causent quelque fois

des damages irreparables et de considerables desordres par leur ravage et par leur brigandage. Parmi ces armées nombreuses il n'y-a pourtant que cinquante six regimens pourvus de bonnes armes et d'habillemens, possablement exercés, le reste est tres mal entretenu et miserablement armé. Les ordonnances, les statuts, l'oeconomie, les exercices et la discipline militaires sont etablis par feu L'Empereur presqu'à la maniere svedoise, mais avec beaucoup plus de rigueur. Cette louable intention n'a pourtant gueres reusit; les Russiens sont encore les memes betes qu'auparavant et les soldats fort inhabiles : meme les regimens des Gardes, qui ont servi pendant tant d'années, ne sont bons à rien, et ne meritent pas les sommes immenses qu'on depence à leur faveur. La flotte est composée de soixante gros vaisseaux de guerre outre quantité de galeres augmentées [22] annuellement: le nombre des matelots monte à cinquante mille; ils ressemblent aux soldats en courage, adresse et en exercices.

Avec tout cela il faut avouer, que la Russie est une trop puissante et formidable voisine, principalement pour la Svede. Car quoique la gloire n'ait point de charmes assez puissans pour animer ces cœurs vils et timides à la bravoure ni à prendre gout aux arts liberaux et aux meurs des nations nobles et polies; mais qu'il faille necessairement les forcer à leur devoir par des traitemens cruels : pourtant s'ils pouvoient un jour se rendre plus humains et traitables, gagner plus d'esprit et d'experience connoitre leurs propres forces et les avantages de leur vaste païs, alors commendez par de bons officiers ils enterprendroient des exploits inouis, par ce qu'ils ne manquent ni d'hommes ni d'argents. Les tresors de cette courone sont inestimable, son revenu annuel extremement considerable, et la vie des sujets en la puissance du Souverain, le païs fournisse peuples, dont on peut enroller jusqu'aux millions, qui sont naturellement tres fortes, robustes, faits au plus fatigant travail et au plus servile esclavage ; la rude education et le jeune, qu'ils observent avec grand abstinence et austerité, les accoutument dès la plus tendre enfance souffrir la faim, la froideur et toutes sortes d'incommoditez avec un patience incroyable; les soldats vivent plus pauvrement que les chiens de païsans dans mon païs, n'ayans pour toute nourriture qu'un peu de farine, de gruans d'avoine ou d'orge, d'ails, et de l'eau pour leur breuvage : tellement qu'une armée Moscovite de cent mille hommes seroit richement nourrie en une province, où une autre de trente mille combatans creveroit de faim. Ils sont outre cela extremement bons en garnizon, ils s'y deffendent vaillamment, la famine ne les oblige à se rendre. Ainsi on n'a que trop de raison à craindre que cette nation meprisable et barbare ne monte un jour à un degré d'honneur et de reputation, dont elle est entierement indigne, qui feroit trembler les Thrones les plus fermes; si les Puissences voisines ne tachent à profiter presentment de sa stupidité pour

la rendre esclave, à quoi la nature l'a destinée. Sur tout il faut prendre garde à ne point la traiter [23] comme auparavant ni avec un temeraire mepris ni avec une terreur panique.

Vitterhetsakademien och Riksantikvarien. Gemensamma handlingar. F16. Vol. 12. Serien F16. S. 12–23.

* * *

[12] Наконец 18-го числа я прибыл в С.-Петербург, разделенный рекой Нева на три острова, а сверх того на две части, одна из которых находится в Ингрии, а другая в Карелии, в ста сорока шести верстах от Нарвы и в пятистах сорока шести от Риги, в привлекательной, но болотистой местности. Царь, или так называемый Император, после взятия Ниеншанца [13] был крайне восхищен удачным расположением этой местности; заложил здесь первые строения города в 1703 году, затем даже перенес сюда из Москвы свою резиденцию, приняв во внимание, что Балтийское море удобно для торговли и навигации, необходимых при пространных замыслах. Все были поражены, увидев, как столь великий и прекрасный город возник за столь короткое время среди ненасытного пламени ужаснейшей войны, что в любом другом государстве не могло бы осуществиться даже за многие годы; но если учесть деспотизм власти, который за многие века пустил там глубокие корни, то нечему будет удивляться. Ибо покойный Император просто приказал самым богатым из своих подданных украсить эти места великолепными дворцами и красивыми домами, не рассуждая, захотят ли они этому подчиниться или нет, и сурово наказал тех, кто не следовал приказу из последних сил и не пошел на неумеренные расходы вплоть до полного разорения. Миллионы калмыков и татар постоянно работали там, и большинство их погибло от голода и слишком тяжелой работы. Таким образом этот зарождающийся город в течение нескольких лет достиг великолепия и пышности равно как в отношении дорогих резиденций, общественных зданий, частных домов и водных путей, которые были прорыты там как в голландских городах, так и в отношении торговли, которая станет самой значительной в мире, когда строительство каналов будет завершено: если реки Московии будут соединены каналами и свободным проходом от Каспийского моря до С.-Петербурга, то легко и удобно будет привозить и продавать драгоценные товары из Персии, Китая и Индии. Если бы Император прожил еще сколько-нибудь, он бы исполнил в скором времени эти замыслы, которые так же хороши, как и сам город даже сегодня, скорее

незавершенный, чем законченный, и которые никогда не будут совершенны при нынешнем смутном царствовании. Но поскольку то, что делается наспех, обычно не достигает успеха, видно, что очень много промахов и недочетов допущено при стремительном развитии этого города: кирпич и известь, из которых сложены дома, [14] понемногу размывались и разрушались дождем и никуда не годятся, стены быстро ветшают и обращаются в руины. Сами дома, возведенные на болотистой почве, оседают год за годом, так что постоянно требуются большие затраты на их восстановление. Поздней осенью западный ветер способствует подъему воды, которая часто заливает большинство улиц и причиняет большие убытки, хотя это неудобство длится не более нескольких часов. Рейд Кроншлот* очень опасен, суда часто рискуют потерпеть кораблекрушение. Для основания города это настолько неудобное место, что почти вся русская знать была разорена.

Крепость посредине города, на Заячьем острове напротив Петербургского острова, окруженная рекой, была первое, что начал сооружать Император. Там находится красивая церковь Св. Петра и Св. Павла, еще не законченная, с курантами и высокой колокольной, покрытой золочеными медными листами. Там погребены дети Императора, и там его тело покоится на великолепном парадном ложе, окруженное китайскими свечами высотой от двенадцати до пятнадцати футов и от четырех до пяти футов в обхвате. Церковь украшена знаменами, на которых вышиты гербы царств и провинций, принадлежащих империи. Там дни и ночи читают молитвы за упокой его души; офицеры и солдаты, стоящие там в карауле, одеты в черные плащи и мундиры. Дворец князя Александра Меншикова на острове Василия, или Васильевском острове, огромный, но безвкусный по части архитектуры, что можно сказать и о большинстве домов в Санкт-Петербурге; на этом острове много других дворцов. Часть города, расположенная в Ингрии, в длину почти в одну немецкую милю и не меньше в ширину, разделена, как это часто бывает в деревнях и городах, приятными садами и рощицами посадок. Два императорских дворца, один для жизни летом и другой зимний, разделенные рукавами реки, велики и роскошны; к первому примыкает привлекательный сад. Царские конюшни, [15] Арсенал и Адмиралтейство очень хороши; множество других красивых домов и дворцов расположены в основном вдоль реки, но по направлению к пригороду уже

* Кроншлот — форт Кронштадтской крепости, перекрывавший главный фарватер, ведущий к устью Невы. Заложен по приказу Петра I зимой 1703–1704 г. на отмени к Югу от острова Котлин, в 1717–1724 гг. был перестроен.

только деревянные домишки. Со стороны Карелии он также очень обширен и полон превосходных домов, строительство которых еще не завершено. Здесь можно видеть Канцелярию и другие Коллегии и сверх того дворцы знати. Там учреждена Академия, где должности заняты учеными из Германии. В зимнее время на улицах зажигают фонари, а также есть надежная стража, что совершенно необходимо при народе, столь склонном к воровству. Показывают здесь любопытный Анатомический кабинет, большой глобус, льва, черного волка и несколько обезьян. Целый ряд дворцов и увеселительных замков находится в окрестностях города, лучшие из них — это императорские дворцы Петергоф и Екатерингоф и меншиковский Ораниенбаум. Кроншлот — красивая крепость на острове в устье реки, она защищает флот, который укрывается там в гавани.

Я имел возможность выказать свое почтение Его Королевскому Высочеству Карлу Фридриху герцогу Голштинскому, который пригласил меня к своему столу, где потчуют сверх меры. Я также встретил сенатора Цедерельма*, чрезвычайного посла Швеции, награжденного Императрицей Орденом Св. Андрея**, и посланника Цедеркройца***, кавалера Ордена Александра Невского на красной ленте.

Князь Меншиков 1 марта дал великолепный обед, на котором он был одет очень роскошно, три ордена на нем и все пуговицы были из крупных бриллиантов невероятной стоимости; но камзол серебряной парчи в это суровое и холодное время свидетельствует, что господа москвиты, несмотря на все великолепие, понимают в нарядах не больше, чем при взятии Риги, когда они приколоты к волосам и парикам шитые золотом кошельки из алого и голубого бархата, какие женщины носят по бокам, и заказали себе жилеты из позолоченной кожи. Вся царская семья, двор, князья и знатные вельможи, одетые в траур, 10-го [марта] явились в собор Св. Петра и Св. Павла на последнюю панихиду по усопшему императору. Императрицу, в прошлом презренную нищую служанку, [16] сопровождал князь Меншиков, некогда жалкий пирожник, сын конюха — славная пара, достойная управлять русскими. Она была при голубой ленте с Орденом Св. Андрея; ее дочери, рожденные прежде свадьбы, императорские высочества Анна Петровна, правительница Голштинская [в тексте: *cheffe d'Holsace*], и прин-

* Цедерельм Йосиас (1673–1729) — шведский, посол в Петербурге в 1725–1726 гг.

** Орден Андрея Первозванного.

*** Цедеркройц Герман (1684–1754) — шведский посланник в Петербурге в 1722–1729 гг.

цесса Елизавета Петровна, а также дочери царя Ивана Алексеевича Катерина Ивановна герцогиня Мекленбург-Шверинская и царевна Прасковья Ивановна были с орденами Св. Екатерины, или За верность, на красной ленте. Архиереи и архимандриты, которые вели службу, были одеты в стихари и митры золотой парчи, украшенные настоящим жемчугом и драгоценными камнями. Также императрица на льду замерзшей реки дала смотр преображенцам — первому полку гвардии. Видя, что посол намерен возвращаться в Швецию, и ни минуты не передохнув и не задерживаясь, я отправился в путь 17-го после полудня и 19-го в шесть часов утра был в Нарве.

Московская империя, расположенная частью в Европе и частью в Азии, простирает свои обширные границы до Финляндии, Балтийского моря и Литвы; до Черного и Каспийского морей, Персии, Оттоманской империи и Империи Великого Могола, Китая, Восточного и Ледовитого морей, и занимает пространство от 19 до 73 параллели. Протяженность ее столь велика, что остальная Европа не идет ни в какое сравнение; в ее составе четыре крупных царства: Московское, Казанское, Астраханское и Сибирское, сверх того бесконечное число герцогств, княжеств и владений. Притом пятая часть совершенно не освоена, прочее занимают непроходимые пустыни, леса, занесенные песком поля, болота и высокие обрывистые горы. Между тем обитаемые земли так плодородны, что во многих местах их вовсе не удобряют. Менее плодородные провинции в изобилии производят зерно, сезонные плоды и корм для скота. Реки, которые орошают страну, снабжают жителей рыбой, а леса — дичью в необычайном количестве. Железные и медные рудники сейчас еще дают немного и совершенно несравнимы с нашими, но я полагаю, что со временем они будут разрабатываться так же хорошо, как в моей стране, к большому ущербу для шведов. Сибирь таит даже месторождения серебра, [17] и если бы этот народ раскрыл глаза пошире, они могли бы получать большую прибыль. Страна изобилует также солью, которая представлена в трех видах; один выделяется из земли за Астраханью в определенных местах, это поля, которые выглядят как сплошь покрытые льдом; чем больше её собирают, тем больше она вновь нарастает, но эта соль не лучшего сорта. Другой, который извлекают из глубинного ила небольших прудов, где соль залегаёт как толстые куски льда; третий и самый лучший вид находят в горах, в глубине земли. Но поскольку к этим местностям путь долгий и трудный, оттуда ничего невозможно поставлять за границу. Местами растяг также табак. Император основал суконные и ткацкие мануфактуры. Торгуют зерном, льном, пенькой, вос-

ком, всякого рода кожей и редкими мехами, сверх того персидскими и китайскими товарами. Добыча тюленей [в тексте: talenes] и акул, развитая у них на Северном море, ведется очень широко.

Народы, населяющие эту могущественную империю, — это москвиты и украинцы, следующие христианской религии; татары магометанского толка; чуваша, черемисы, башкиры, вогулы, остяки, зыряне, болгары, буряты, каракалпаки, калмыки и другие чрезвычайно дикие и варварские народы, живущие без веры, без закона, погруженные в самое причудливое и ужасное идолопоклонство. У них нет ни городов, ни деревень, ни земледелия, они бродят по пустынным просторам и никогда не задерживаются на месте, питание и одежду добывают от диких зверей и ими же платят налог царю. Многоженство здесь очень распространено, и никакая степень родства не препятствует вступлению в брак. Москвиты исповедуют греческую религию, хотя их вероучение и обряды совершенно не согласуются с таковыми этой церкви. Они почти такие же варвары, как и покоренные ими язычники, весьма мало знают о Превечном Боге, их благочестие состоит только в умении креститься и отбивать поклоны перед изображениями святых, которых они именуют богами. Тому причиной крайнее невежество священников и монахов, которые никоим образом не могут защитить догматы их веры, а подчас не знают наизусть даже «Отче наш». Главный покровитель у них — Св. Николай, его почитают почти как Бога.

[18] Священникам позволяется жениться только один раз. Прежде они вели счет годам не от Рождества Спасителя, но от сотворения мира, год у них начинался в сентябре, и они основывались не на лучшей хронологии; в настоящее время Царь ввел там старый стиль. Четвертый брак у них считается распутством, а содомский грех разрешен. Последний император приложил все усилия для того, чтобы облагородить своих подданных, смягчив их свирепый нрав, отменив самые нелепые обряды и, наконец, стараясь понемногу преобразовать религию в духе лютеранства, а одежду и житейские обычаи — на французский манер. Он исполнил свои добрые намерения, но все его полезные постановления были похоронены вместе с ним. Вместе с другими злоупотреблениями и скверными обычаями он отменил патриарха, главу русской церкви, у которого зачастую власти было больше, чем у царей. Чтобы это звание сделать также и презируемым, он раз за разом давал титул Патриарха и Князь-папы шутам. Свободное отправление религии разрешено там для всех ветвей христианства, которые имеют свои храмы и собрания почти во всех городах. Хотя до сего времени мне, к счастью, не приходилось слишком подолгу наблюдать русский народ, тем

не менее я сделал все возможное, чтобы глубоко постичь их природные наклонности. Я нашел, что они почти все сильно привержены пьянству, разбоем и кражам, корыстны, грязны, нечистоплотны, подозрительны, упрямы, лукавы, двуличны; воры, грубияны и душегубы; самые жестокие и ужасные пытки, какие только можно себе представить, нисколько не способны прекратить разбой. Они нагло используют свои победы и совершенно не держат данного слова. У них нет ни стремления к славе, ни чести, ни храбрости; эти трусы всегда предпочтут провести свои дни в безвестности рядом с печкой, чем потрудиться за пределами родины или стяжать славу среди смертельных опасностей войны. Будучи призваны к оружию, они убивают себя сами раньше, чем могли бы умереть со славой; при начале кампании, когда следует дать бой, сотнями дезертируют; но когда речь идет о том, чтобы кого-то повесить [19] или колесовать живьем, вот тогда они выказывают героическую отвагу и невероятную стойкость, словно этот народ создан только для того, чтобы в злодействе жить и умирать. Неслыханное насилие, к которому прибегают, принуждая рекрутов к очень суровой, варварской и тиранической воинской дисциплине, часто заставляло их, хотя и трясая от страха, проделывать нечто превосходное, сверх обычных возможностей. Они могли бы даже одерживать победы, если бы не находились под командованием столь убогих и бесчестных офицеров, ибо от маршалов и генералов до прапорщиков все они самые что ни на есть презренные олухи, каких мало сыщешь, которые притом тяготятся службой, претерпевая придирки и грубость. Этот дурной народ, который ничего не делает без принуждения или самых ужасных на свете истязаний, в настоящее время еще менее воитель, чем при Императоре, поскольку уже не опасается жестокого обращения, которое необходимо, чтобы заставить его исполнять долг. Князья, бояре и остальная знать, которые здесь в избытке, плохо воспитанные, слабоумные, хитрые, чаще всего не умеют ни читать, ни писать и вполне походят на своих рабов по дарованиям и по глупости. Они вынуждены всю жизнь служить в войсках в качестве простых солдат, и только в редких случаях получают повышение в чине. Есть там и такие, кто видел другие народы и знает, как живут за рубежом; они действительно немного культурнее; но, так как путешествия не могут и не имеют целью ни превращать животных в людей, ни заставить их природу измениться полностью, они становятся лишь более хитрыми и более искусными в злых поступках. В затруднительных случаях они чрезвычайно неловки и никогда не доводят дело до конца, если требуется хоть немного проницательности, живости и отвлеченных представлений; и, напротив, очень привержены торговле и ре-

меслам, где они могут мошенничать вволю. По характеру они без сомнения ♃ ♂ ♀ [так в тексте; астрономические символы Сатурна, Марса, Меркурия]. Женщины как по образу жизни, так и по красоте подобны свиньям, ибо хотя в самой ранней юности они миловидные и привлекательные, но уродливые и жирные по достижении возраста двадцати четырех лет. Они пьют как прорвы и нравственности самой сомнительной. Мода налеплять мушки [20] на лицо и пудриться даже гуще, чем это делают парижские дамы, там настолько в ходу, что от Императрицы до крестьянки все ей следуют.

Царь, или Великий Князь, является абсолютным хозяином жизни и состояния своих подданных, которыми распоряжается по собственной прихоти. Его безграничная власть превышает деспотической тирании турецкого султана и персидского шаха. Они обучены с ранних лет говорить о нем и подчиняться ему не как подданные, но как рабы, и почитать его не как царя, но как божество. И я действительно должен одобрить бесчеловечное самодержавие в этом царстве, столь гнусное при других обстоятельствах, ибо людьми такого рода нельзя управлять иначе как с крайней суровостью, хуже чем собаками; свобода и мягкость там смертельный яд, который разрушил бы государство до основания, без сомнения поэтому сама природа наделила их низменным и рабским нравом. Императрица до сегодняшнего дня вовсе не является самодержавной правительницей, хотя и носит этот пышный титул; ее собственные интересы вместе с опасениями всеобщего бунта заставляют ее потворствовать некоторым знатным вельможам, которые возвысили ее к этому званию, без их согласия и одобрения она не смеет ничего предпринять по собственному почину; если бы у нее не хватило ума самой устраниваться от дел, ее власть [еще] бы уменьшили. Место в Верховном Тайном Совете, которое после долгих споров эти господа предоставили ее зятю герцогу Голштинскому, совершенно не имеет того значения, как воображают эти деятели; ибо этот покладистый и малопроницательный правитель, лишенный своих подданных, силой ничего не сможет сделать, а еще меньше мягкостью, потому что у этого народа единственная добродетель — ненависть к чужеземцу у власти. Есть много недовольных, кто тайно мечтает возвести на трон великого князя Петра Алексеевича, внука усопшего императора, прекрасного собой мальчика, на которого возлагают большие надежды; но этот тлеющий огонь возгорится только от тайного дуновения Меркурия, если высший разум не предотвратит гибельные последствия этого, послав нежданную смерть.

[21] Правление, которое называют самодержавным, подчинено Верховному Тайному Совету [в тексте: Grand Conseil privé], где председатель-

ствует Императрица и ее зять; его члены — шесть личных советников: генерал-фельдмаршал князь Меншиков, грубый мужлан и истинный москвит, который не умеет ни читать, ни писать, но несмотря на все это он первый зачинатель и главный проводник дел государственной важности, Императрица полностью зависит от него, а сам он слепо доверяется своему лукавому и хитрому немецкому секретарю; генерал-адмирал Апраксин, здравого ума, но малопроницательный, императорский канцлер граф Головкин, граф Толстой, герцог, или князь Голицын, посредственности; и вице-канцлер барон Остерман, у которого одного ума больше, чем у всех остальных вместе взятых. Решения там принимаются от имени Императрицы, хотя очень часто она о них даже не знает. Войска состоят из двухсот тридцати пехотных и ста двадцати драгунских полков включая артиллерию и гарнизоны в городах, а кавалерии там совсем не держат. Поставка рекрутов для армии и содержания для нее распределяется между царствами и провинциями, которые имеют также свои сторожевые полки. Император может также, если ему понадобится, призвать единовременно несметное число татар и калмыков, эти непостоянные и боязливые народы меньше всего годятся в солдаты, но разбоем и грабежом они порою приносят непоправимый вред и значительный урон. Среди этой многочисленной армии, возможно, найдется только пятьдесят шесть полков, снабженных хорошим оружием и обмундированием и сносно обученных, остальные очень плохо содержатся и бедно вооружены. Порядок, устав, снабжение, учения и военная дисциплина установлены покойным императором почти по шведскому образцу, но с гораздо большей строгостью. Это похвальное намерение совершенно ничего не достигло, русские все еще те же животные, что и прежде, и весьма неумелые солдаты. Даже гвардейские полки, которые служат уже столько лет, никуда не годятся и не заслуживают, чтобы на них тратили столь огромные суммы. Флот состоит из шестидесяти больших военных кораблей и сверх того массы [22] галер, число которых ежегодно возрастает. Численность матросов достигает пятидесяти тысяч, по храбрости, ловкости и умению они схожи с солдатами.

Вместе с тем нужно признать, что Россия — это очень сильный и грозный сосед, в особенности для Швеции. Ибо хотя военная слава совершенно не привлекает их и не в силах возбудить в этих подлых душах отвзугу и вкус к свободным искусствам и нравам благородных и учтивых народов, и к исполнению долга их необходимо жестоким образом принуждать, но если бы когда-нибудь они стали более человечны и вменяемы, осознали собственные силы и оценили преимущества своей обширной страны, тогда

под командованием добрых офицеров они совершили бы небывалые дела, поскольку у них нет недостатка ни в людях, ни в деньгах. Сокровища этой короны бесценны, ее годовой доход крайне значителен, жизнь подданных в воле самодержца, страна поставляет людей, из которых можно на вербовать миллионы рекрутов, от природы очень сильных, выносливых, готовых к самому изнурительному труду и самому униженному рабству; суровое воспитание и посты, которые они соблюдают с крайней строгостью и воздержанием, приучают их с самого раннего детства терпеть голод, холод и всякого рода лишения с невероятным терпением; солдаты живут более скудно, чем деревенские собаки в моей стране, имея для пропитания лишь немного муки, овса или ячменя, чеснок и воду для питья, так что сотысячная армия москвитов прекрасно прокормится там, где другая в тридцать тысяч околеет с голоду. Кроме того, они крайне хороши в гарнизонах, они отважно защищаются, и голод не заставит их сдаться. Итак, есть все основания опасаться, что этот презренный и варварский народ возвысится однажды до чести и славы, которых совершенно недостойн, и заставит пошатнуться самые прочные троны, если соседние державы не сумеют сейчас воспользоваться его отсталостью, чтобы обратить в рабство, к которому он предназначен природой. В особенности не следует относиться к нему как прежде — ни с безрассудным презрением, ни с паническим ужасом.

Перевод Т.И. Шаскольской